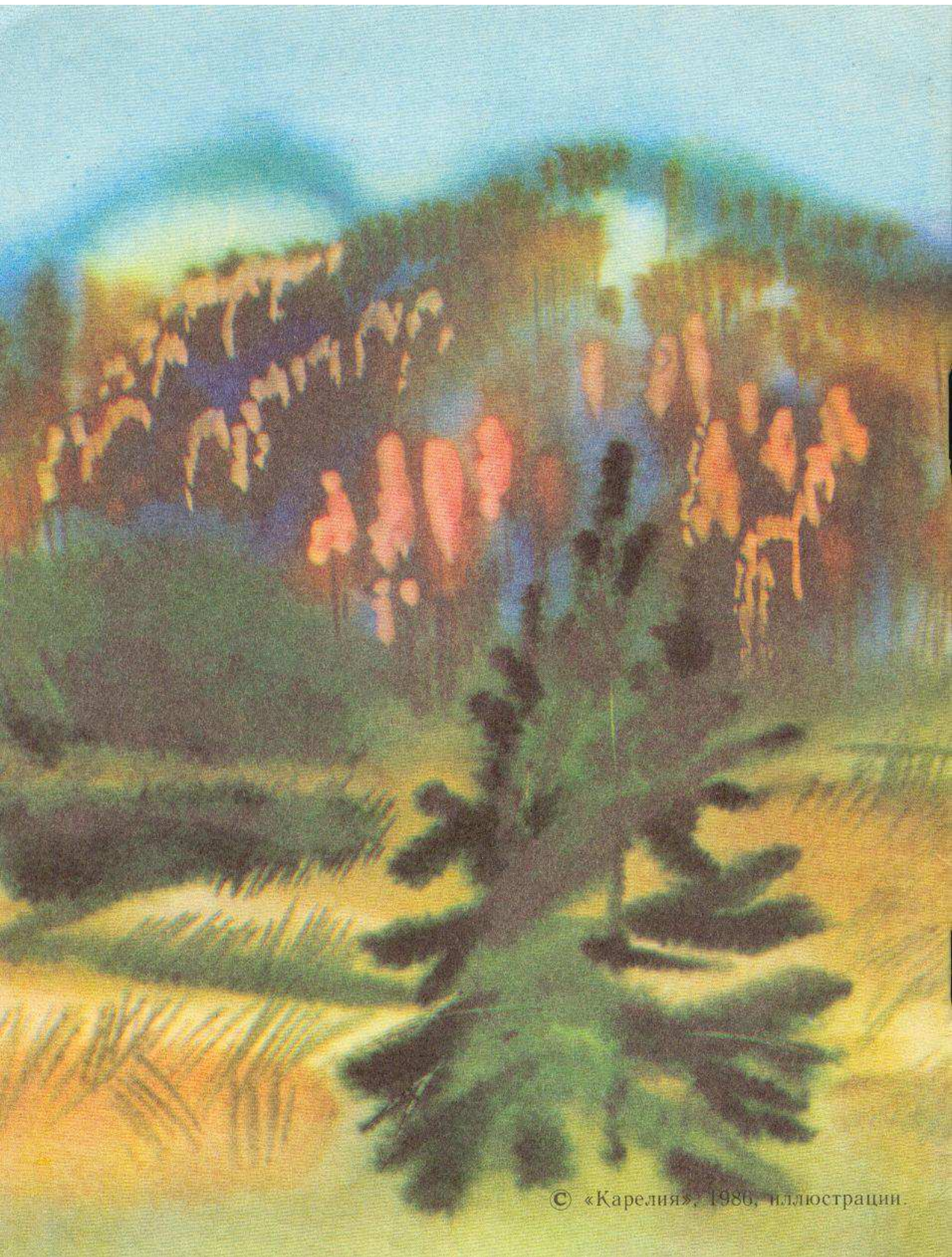

В. Буанки

**ТЕРЕНТИЙ
ТЕТЕРЕВ**

КУЗЯР-БУРУНДУК И ИНОЙКА-МЕДВЕДЬ

Прежде Кузяр-Бурундук был весь жёлтый, как кедровый орешек без скорлупки. Жил он — никого не боялся, ни от кого не прятался, бегал, где хотел.

Да раз ночью поспорил с Инойкой-Медведем. А маленькому с большими знаешь как спорить: и выпоришь, да проиграешь.

Спор у них был: кто первый утром солнечный луч увидит? Вот взобрались они на пригорышек и сели.

Инойка-Медведь сел лицом в ту сторону, где утром из-за леса солнцу вставать.

А Кузьяр-Бурундук сел лицом туда, где вечером солнце зашло за лес. Спinoй к спине сели и сидят — ждут.

Перед Кузьяром-Бурундуком высокая гора поднимается. Перед Инойкой-Медведем лежит долина гладкая.

Инойка-Медведь думает:

«Вот глупый Кузьяр! Куда лицом сел! Там до вечера солнца не увидишь».

Сидят, молчат, глаз не смыкают.

Вот стала ночь светлеть, развиднелось.

Перед Инойкой-Медведем долина чёрная лежит, а небо над ней светлеет, светлеет, светлеет...

Инойка и думает:

«Вот сейчас падёт на долину первый лучик — я и выиграл. Вот сейчас...»

А нет, всё ещё нету лучика. Ждёт Инойка, ждёт...

Вдруг Кузьяр-Бурундук за спиной у него кричит:

— Вижу я, вижу! Я первый!

Удивился Инойка-Медведь: перед ним долина всё ещё тёмная.

Обернулся через плечо, а позади-то макушки горы так солнцем и горят, так золотом и блещут!

И Кузьяр-Бурундук на задних лапках пляшет — радуется.

Ой, как досадно Инойке-Медведю стало! Проспорил ведь малышу!

Протянул тихонько лапу — цоп за шиворот Кузьяра-Бурундука, чтобы не плясал, не дразнился.

Да рванулся Кузьяр-Бурундук, — так все пять медвежьих когтей и проехали у него по спине. От головы до хвоста пять ремешков выдрали.

Шмыгнул Кузьяр-Бурундук в норку. Залечил, зализал свои раны. Но следы от медвежьих когтей остались. С той поры робкий стал Кузьяр-Бурундук. Ото всех бегаёт, по дуплам, по норкам прячется. Только и увидишь: пять чёрных ремешков на спинке мелькнут — и нет его.

ТЕРЕНТИЙ-ТЕТЕРЕВ

Жил в лесу Тетерев, Терентием звали.

Летом ему хорошо было: в траве, в густой листве от злых глаз прятался. А пришла зима, облетели кусты и деревья — и схорониться негде.

Вот звери лесные, злые, и заспорили, кому теперь Терентий-Тетерев на обед достанется. Лисица говорит — ей. Куница говорит — ей.

Лисица говорит:

— Терентий спать на землю сядет, в кусту. Летом его в кусту не видно, а нынче — вот он. Я понизу промышляю, я его и съем.

А Куница говорит:

— Нет, Терентий спать на дереве сядет. Я поверху промышляю, я его и съем.

Терентий-Тетерев услышал их спор, испугался. Полетел на опушку, сел на макушку и давай думать, как ему злых зверей обмануть. На дереве сядешь — Куница поймает, на землю слетишь — Лисица сцапает. Где же ночевать-то? Думал-думал, думал-думал, — ничего не придумал и задремал.

Задремал — и видит во сне, будто он не на дереве, не на земле спит, а в воздухе. Кунице с дерева его не достать и Лисице с земли не достать: вот только ноги под себя поджать, — ей и не допрыгнуть.

Терентий во сне ноги-то поджал да бух с ветки! А снег был глубокий, мягкий, как пух. Неслышно по нему крадётся Лисица. К опушке бежит. А поверху, по веткам, Куница скачет и тоже к опушке. Обе за Терентием-Тетеревом спешат.

Вот Куница первая прискакала к дереву да все деревья оглядела, все ветки облазала, — нет Терентия!

«Эх, — думает, — опоздала! Видно, он на земле, в кусту спал. Лисице, верно, достался».

А Лисица прибежала, всю опушку оглядела, все кусты облазала, — нет Терентия!

«Эх, — думает, — опоздала! Видно, он на дереве спал. Кунице, видно, достался».

Подняла голову Лиса, а Куница — вот она: на суку сидит, зубы скалит.

Лисица рассердилась, как крикнет:

— Ты моего Терентия съела, — вот я тебе!

А Куница ей:

— Сама съела, а на меня говоришь. Вот я тебе!

И схватились они драться.

Жарко дерутся: снег под ними тает, клочья летят.

Вдруг — трах-та-та-тах! — из-под снега чем-то чёрным как выпалит!

У Лисицы и Куницы от страха душа в пятки. Кинулись в разные стороны: Куница — на дерево, Лисица — в кусты.

А это Терентий-Тетерев выскочил. Он как с дерева свалился, так в снегу и заснул. Только шум да драка его разбудили, а то, наверное, и сейчас бы спал.

С тех пор все тетерева зимой в снегу спят: тепло им там и уютно и от злых глаз безопасно.

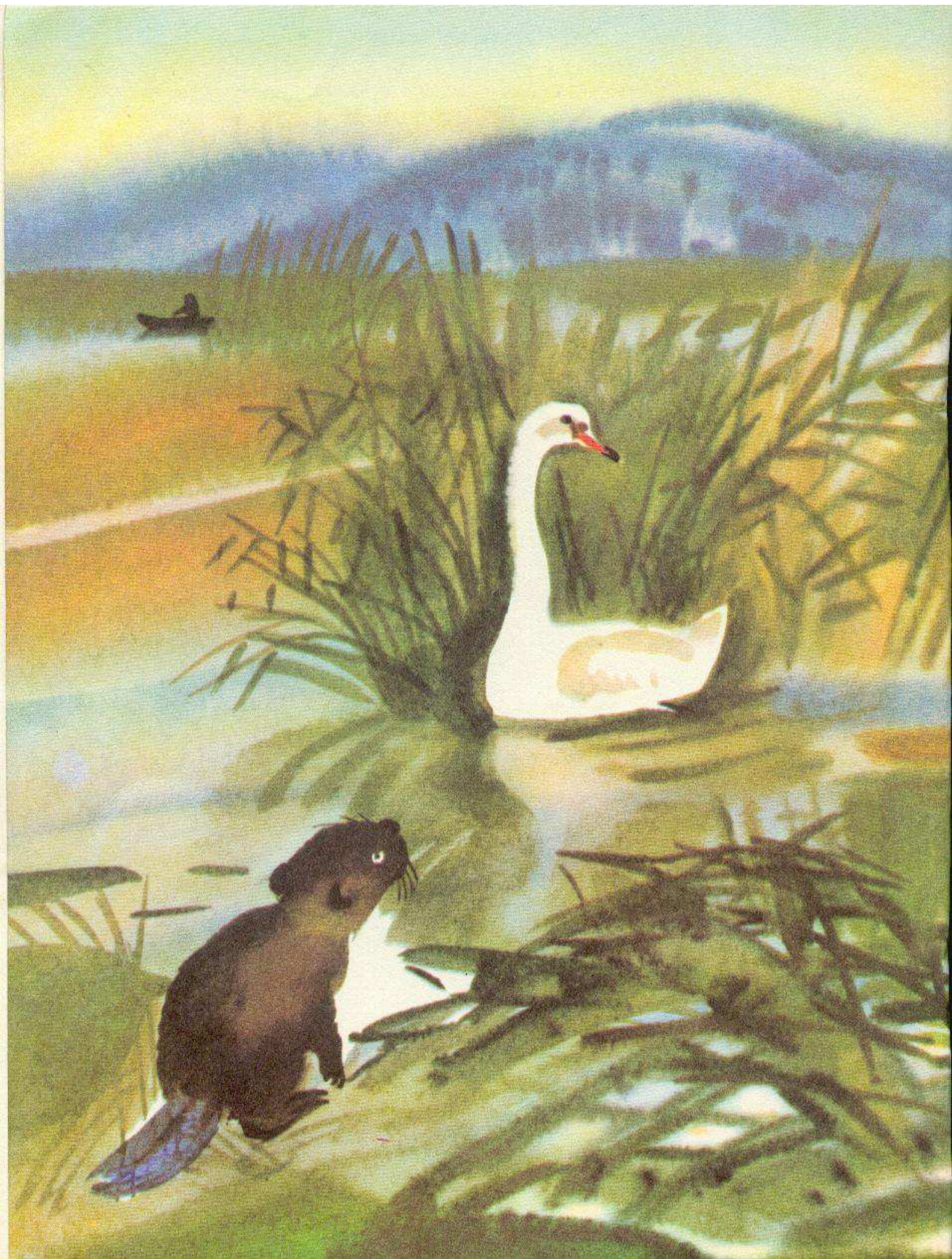

ГЛАЗА И УШИ

Жил Инквой-Бобёр на извилистой лесной речке. Хороша у Бобра хата: сам деревья пилил, сам их в воду таскал, сам стены и крышу складывал.

Хороша у Бобра шуба: зимой тепло, и в воде тепло, и ветер не продувает.

Хороши у Бобра уши: плеснёт в речке рыба хвостом, упадёт лист в лесу — всё слышит. А вот глаза у Бобра подгуляли: слабые глаза. Подслеповат Бобёр: и на сто коротеньких бобриных шагов не видит.

А в соседях у Бобра на светлом лесном озерке жил Хоттын-Лебедь. Красивый был и гордый, ни с кем дружить не хотел, даже здоровался нехотя. Поднимет белую шею, окинет взглядом с высоты соседа — ему кланяются, он чуть кивнёт в ответ.

Вот раз случилось, работает Инквой-Бобёр на берегу речки, трудится: осины зубами пилит. Подпилит кругом до половины, ветер налетит и свалит осину. Инквой-Бобёр её на брёвнышки распилит и тащит на себе брёвнышко за брёвнышком к речке. На спину себе взвалит, одной лапой придерживает брёвнышко, — совсем как человек идёт, только трубки в зубах нет.

Вдруг видит — по речке Хоттын-Лебедь плывёт, совсем близко. Остановился Инквой-Бобёр, брёвнышко с плеча скинул и вежливо сказал:

— Узя-узя!

Здравствуй, значит.

Лебедь гордую шею поднял, чуть головой кивнул в ответ и говорит:

— Близко же ты меня увидал! Я тебя ещё от самого поворота речки заметил. Пропадёшь ты с такими глазами.

И стал насмехаться над Инквой-Бобром:

— Тебя, слепыша, охотники голыми руками поймают и в карман положат.

Инквой-Бобёр слушал, слушал и говорит:

— Спору нет, видишь ты лучше меня. А вот слышишь ты тихий плеск вон там, за третьим поворотом речки?

Хоттын-Лебедь прислушался и говорит:

— Выдумываешь, никакого плеска нет. Тихо в лесу.

Инквой-Бобёр подождал, подождал и опять спрашивает:

— Теперь слышишь плеск?

— Где? — спрашивает Хоттын-Лебедь.

— А за вторым поворотом речки, на втором пустоплесье.

— Нет, — говорит Хоттын-Лебедь, — ничего не слышу. Всё тихо в лесу.

Инквой-Бобёр ещё подождал. Опять спрашивает:

— Слышишь?

— Где?

— А вон за мысом, на ближнем пустоплесье!

— Нет, — говорит Хоттын-Лебедь, — ничего не слышу. Тихо в лесу. Нарочно выдумываешь.

— Тогда,— говорит Инквой-Бобёр,— прощай. И пускай тебе так же послужат твои глаза, как мне мои уши служат. Нырнул в воду и скрылся.

А Хоттын-Лебедь поднял свою белую шею и гордо посмотрел вокруг: он подумал, что его зоркие глаза всегда вовремя заметят опасность, и ничего не боялся.

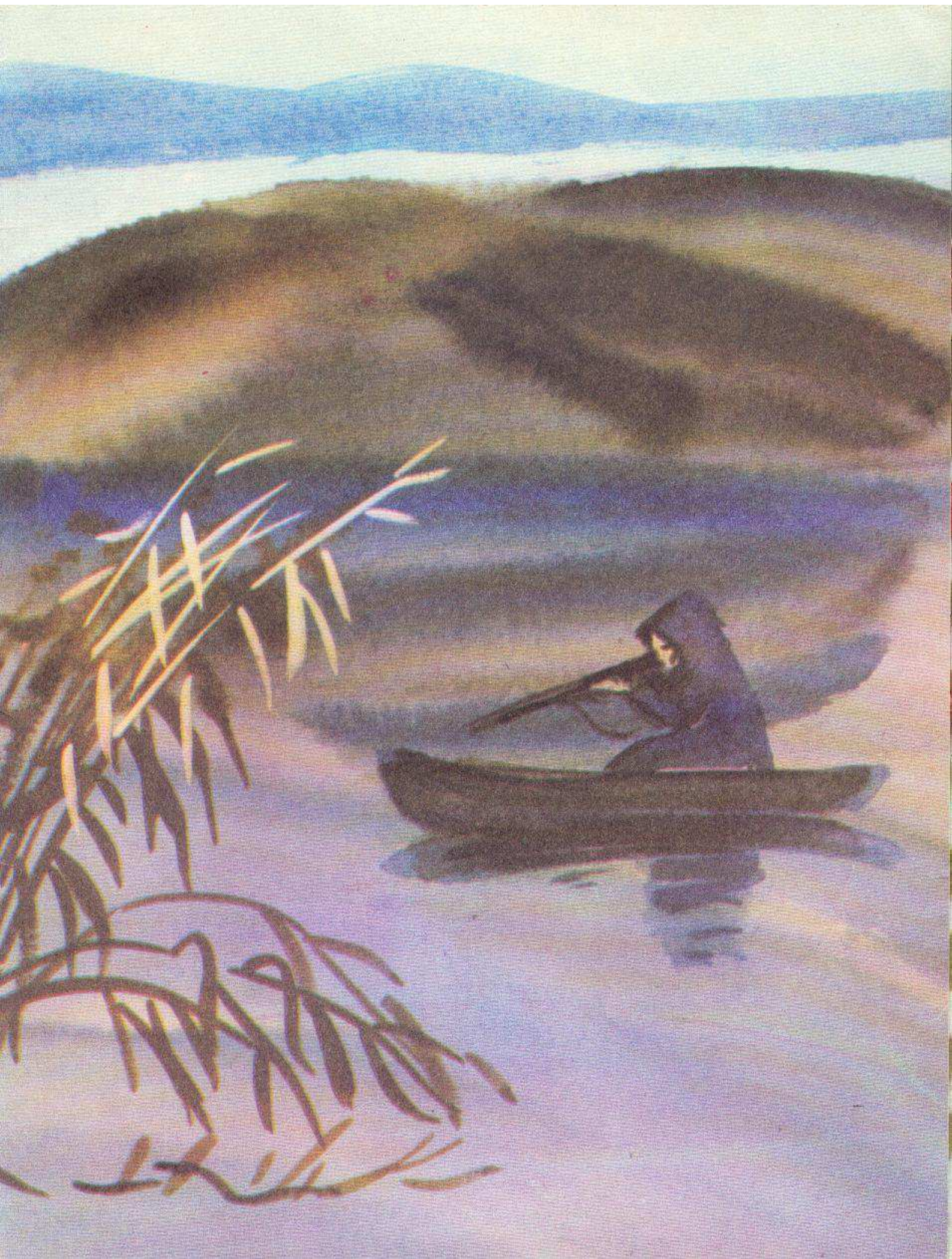
Тут из-за леса выскочила лёгонькая лодочка — айхóй. В ней сидел Охотник.

Охотник поднял ружьё — и не успел Хоттын-Лебедь взмахнуть крыльями, как грохнул выстрел.

И свалилась гордая голова Хоттын-Лебеда в воду.

Вот и говорят ханты — лесные люди: «В лесу первое дело — уши, глаза — второе».

10 к.

Художник Т. Д. Васильева

Виталий Валентинович Бианки

ТЕРЕНТИЙ-ТЕТЕРЕВ

Сказки

Для дошкольного возраста

Печатается по изданию:
В. Бианки. Терентий-Тетерев. М.: Детская
литература, 1973.

Редактор Ю. В. Слюсарева
Художественный редактор Л. Н. Дегтярев
Технический редактор С. М. Паль
Корректор В. М. Хабибуллина
ИБ № 1446

Сдано в набор 25.11.85. Подписано в печать 23.04.86. Формат 70×90¹/₁₆. Бумага
офс. № 1. Гарнитура литературная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 1,17. Усл.
кр.-отт. 4,68. Уч.-изд. л. 1,16. Тираж 300 000 (2-й зав. 150001—300 000) экз.
Зак. 3964. Изд. № 194. Цена 10 коп.

Издательство «Карелия». 185610. Петрозаводск, пл. В. И. Ленина, 1. Республи-
канская ордена «Знак Почета» типография им. Анохина Государственного комите-
та Карельской АССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.
185630. Петрозаводск, ул. «Правды», 4.

Б $\frac{4803010102-071}{М 127(03)-86}$ без объявл.

ПЕТРОЗАВОДСК «КАРЕЛИЯ» 1986